

УДК: 39+903.27

Древние представления о пантеоне у населения Приамурья и Приморья (по материалам наскальных изображений в свете этнографических параллелей)

Татьяна Юрьевна Сем,

кандидат исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела этнографии народов
Сибири и Дальнего Востока Российского
этнографического музея, Санкт-Петербург.
E-mail: semturem@mail.ru

В статье впервые реконструируется пантеон богов и духов древнего населения по материалам археологических памятников наскальных рисунков Прибайкалья, Забайкалья, Верхнего и Нижнего Амура эпохи палеометалла (бронзы — II тыс. до н.э. — начала железа — I тыс. до н.э.). Отдельные сюжеты сопоставляются с наскальными рисунками Нижнего Амура и Уссури эпохи неолита и палеометалла. Археологический материал интерпретируется, исходя из метода анализа иконографии и метода этнографических аналогий. На писаницах Верхнего Амура, Алдана и Прибайкалья имеются изображения верховных богов Неба, солнца, грома, плодородия, главного божества подземного мира, а также духов среднего мира (леса, гор и рек). Верховные боги представлены в виде огромных личин, духи среднего мира имеют облик человеческих фигур, но изображены бóльших размеров, чем люди. Некоторые писаницы связаны с шаманством. На них рядом с богом грома и солнца нарисованы шаманы, они либо совершают обряд в форме танца, либо получают от верховного божества силы плодородия в виде рядов точек, которые помещают в бубен и стряхивают с него на землю. Наряду с этим на петроглифах встречаются изображения горбатых одноногих фигур: они сопоставляются с шаманскими духами-помощниками, проводниками по мирам вселенной, имеющими облик птице-змея. Автор, анализируя иконографию богов на петроглифах и данные мифологии эвенков, приходит к выводу об их идентичности.

Ключевые слова: наскальные рисунки, эпоха бронзы и железа, Прибайкалье, Приамурье, Приморье, эвенки, пантеон богов и духов, культ, шаманизм, мифология, реконструкция, иконография.

Ancient representations of the pantheon among the population of the Amur and Primorye regions (the case study of rock carvings in the context of ethnographic parallels).

Tatiana Sem, Department of Ethnography of the peoples of Siberia and the Far East of the Russian ethnographic Museum, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: semturem@mail.ru.

The article observes the pantheon of gods and spirits of the ancient population which is reconstructed for the first time on the basis of the archaeological monuments of petroglyphs of the Baikal region, Transbaikal, the Upper and Lower Amur of the Paleometalepoch (the Bronze Age — II thousand BC — the beginning of the Iron Age — I thousand BC). Separate plots are compared with the rock carvings of the Lower Amur and the Ussuri in the Neolithic and Paleometal periods. The archaeological material is interpreted through the analysis method of the iconography and the method of ethnographic analogies. There are images of the supreme gods of Heaven, the sun, the thunder, the fertility, the chief deity of the underworld, and the spirits of the middle world (forests, mountains and rivers) on the petroglyphs of the Upper Amur, Aldan and of the Baikal region. The supreme gods are depicted in the form of huge masks, the spirits of the middle world have the appearance of human figures but are larger than people. Some drawings are associated with shamanism. Shamans are depicted next to the God of the thunder and the sun: they either perform the ritual in the form of a dance or get the forces of fertility from the Supreme deity in the form of rows of dots which they place in a tambourine and shake to the ground. In addition, the petroglyphs have images of the humpbacked one-legged figures. They are associated with shamanic spirit helpers, guides to the worlds of the universe with the appearance of a bird-snake. Comparing the iconography of the gods on petroglyphs and data of mythology about the Evenki, the author comes to the conclusion that they are identical.

Keywords: petroglyphs, the Bronze and the Iron Ages, the Baikal region, the Amur region, Evenki, pantheon of gods and spirits, the cult, shamanism, mythology, reconstruction, iconography.

По мнению некоторых исследователей, формирование тунгусов (предков эвенков и эвенов) происходило в эпоху неолита — палеометалла на территории Забайкалья и Верхнего Амура [37, с. 112—116]. Там же были обнаружены наскальные изображения охоты на оленей, вьючно-верхового оленеводства, средств передвижения на олене, характерных для эвенкийско-орочонского типа хозяйства [37, с. 112—116; 35, с. 53—87]. Об эвенкийской принадлежности писаниц свидетельствуют и остатки жертвенных мест, памятников ритуальных погребальных оградок Верхнего Приамурья [24]. А.П. Окладников и А.И. Мазин видят параллели в мировоззрении неолитического населения Приамурья с эвенкийскими верованиями — промысловыми и календарными ритуалами [36, с. 44, 137].

А.И. Мазин писал также, что на писаницах изображены духи: «наскальные рисунки и сопровождающие их жертвенники Приамурья и Восточного Забайкалья являются древними святилищами... Сами же рисунки мыслились как вместилища духов, направленных на защиту благосостояния древнего человека» [24, с. 93]. По нашему мнению, изображения духов на писаницах Верхнего Амура могут быть прочитаны как пантеон богов и духов в верованиях древнего населения при сравнении с пантеоном богов эвенков конца XIX — начала XX в.

Данная статья посвящена сравнительному анализу иконографии древних наскальных изображений Верхнего Амура эпохи бронзы II тыс. до н.э. — начала железа I тыс. до н.э. и традиционного пантеона эвенков конца XIX — начала XX в. В работе использован метод исторической реконструкции.

На священных скалах Нижнего и Верхнего Амура отмечается изображение Верховного божества, причём прослеживается эволюция его образа. Наиболее древним образом была космическая лосиха [37, с. 16—17, 123; 36, с. 63—64]. В эвенкийской мифологии она известна под именем Бугады энин — хозяйки Вселенной, священных скал, древа жизни и душ зверей и людей [4, с. 29]. Во время осеннего праздника Сэвэкан у амурских эвенков к ней летел шаман за душами [25, с. 91—98]. На петроглифах Нижнего Амура этот образ датируется II тыс. до н.э. (эпохой бронзы) и имеет некоторые особенности — концентрические круги внутри туловища. По мнению А.П. Окладникова, сюжет с разделением туловища на части попадает на Лену и в Шишкино с территории Амура [35, с. 122]. В то время как образ самого лося появляется на Нижнем Амуре в эпоху неолита с территории сибирской тайги. На священных скалах Сакачи-Аляна изображена фигура лосихи без рогов, её туловище прорисовано 4 концентрическими кругами, от брюха вниз отходят вертикальные полосы — символ небесного дождя, дающего плодородие. Позади лосихи изображена схематично каплевидная фигура безголовой женщины. На этом же камне присутствует антропоморфная женская личина. Таким образом, облик хозяйки Вселенной имеет уже двойную природу: и женщины-богини, и зверя [35, с. 211].

На Майской писанице с Алдана изображён сюжет Космической охоты: охотник стреляет в двух оленей, под животом одного из них помещено солнце. Рядом находится большой бюст антропоморфного существа, лицо которого обозначено кругом с глазами и ртом [36, с. 140, 142]. Вероятно, это мужское изображение Верховного божества, хозяина Неба и Вселенной, известного в эвенкийской мифологии под именем Буга. Полностью композиция включает лодку и рогатое трёхпалое существо с квадратным лицом, выше которого изображён рогатый человек с двумя чертами по сторонам. Судя по фигуре, рогатое трёхпалое существо — хозяин подземелья, мира мёртвых, расположенный рядом с ладьями мёртвых. Этот персонаж известен в эвенкийской мифологии под именем Харги [41, с. 191—195]. Рогатый человек меньших размеров, чем боги, наверху — шаман, исполняющий обряд проводов души в мир мёртвых. Данная композиция в целом отражает миф о двух братьях-творцах двух миров — небесного и подземного — Буга и Харги [41, с. 48—49]. Следует отметить: на петроглифах верховные боги

Вселенной — Неба (космоса) и земли (подземелья) — обозначены личинами огромных размеров, заметно выделяющимися среди других антропоморфных фигур (рис. 1).

На скалах Сихотэ Алиня на притоке Хора-Сукпая В.И. Дьяков обнаружил рисунки красного цвета и истолковал их как сцену проводов на лодках душ умерших и отправления с ними злых духов шаманом в мир мёртвых [16, с. 125—127]. На наш взгляд, здесь прослеживается северотунгусское влияние на местное население (судя по характеру рисунков, сопоставимых с Верхнеамурскими наскальными изображениями).

На писанице у с. Смирновка Верхнего Приамурья, датируемой I тыс. до н.э., имеется крупное круглое человеческое лицо, рядом с ним помещены змея, фигуры человека, животного и, по-видимому, ребёнка [37, с. 187]. Данная композиция изображает личину Верховного божества, змея указывает на связь человека и божества, дающего промысловую удачу (о чём свидетельствует фигура животного).

В ритуальной практике амурских эвенков-орочонов и народов Амура существует прямая аналогия в изобразительной пластике божеств. Во время охотничьих ритуалов на ритуальном дереве родового мольбища в тайге вырезали антропоморфную личину божества — хозяина Неба и Вселенной Буга/Боа — и приносили ему кровавую жертву оленем (эвенки) или свиньёй (народы Амура) [Макаренко А.А. Материалы экспедиции в Забайкальскую область по теме «Камлание ороchonского шамана». СПб., 1913. 53 Л. // Арх. РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 126, 215, 217, 218; 52, с. 357—383; 42, с. 178]. Иногда подобная личина, как в коллекции С.М. Широкогорова из собрания музея Кембриджа, изображала духа охоты.



Рис. 1. Боги неба Буга и подземелья Харги. Петроглифы с р. Маи. *Источник:* [36]



Рис. 2. Бог неба Буга в мужской ипостаси с зооморфными чертами. Петроглифы с р. Токко. *Источник:* [37]

судя по изображениям на священных скалах, соотносится с образом пляшущих человечков и оградок с точками, символизирующими стадо оленей или животных, а в целом — плодородие природы [34, с. 90—92, 105—116]. На священных скалах Верхнего Амура имеется изображение двух астральных существ солнца, точек — знаков плодородия — и пляшущих человечков [37, с. 181—182]. Ряды последних, нарисованных взявшимися за руки, изображают круговые танцы в честь солнца. Такие человечки были известны и чжурчжэням [11, с. 41, 44—45, 50, 118, 139], у которых сохранилось бронзовое зеркало с двумя небесными богами и пляшущими человечками внизу [29, с. 255]. В середине XX в. у нанайцев и ульчей имелись традиционные танцы, во время которых участники держали в руках круги с изображением розеток красного цвета, символизирующих солнце [19, с. 247—248]. В орнаменте нанайцев и ороков есть образы кругового танца-хоровода, состоящие из четырёх или восьми фигур мужчин и женщин, запечатлённые на праздничном костюме у нанайцев и ровдужных круглых ковриках ороков [Арх. РЭМ. Кол. 10018-68; 51, с. 3—5]. В честь солнца эвенки совершали особые моления [3, с. 10].

На писанице с Геткана имеется изображение круга с крестом и рогами оленя, а также крыльями с развилкой, символизирующее летающее солнце, рядом нарисованы пляшущие человечки, ниже — олени и люди [37, с. 172]. Образ летающего солнца в представлениях тунгусо-маньчжурских наро-

Дальнейшее развитие образ получил в виде мужского божества зверя-человека (бога). На скалах Токко нарисовано антропоморфное существо с ногами и рогами быка, круглой головой с перекрестьем вместо лица и ушами зверя, туловищем человека [37, с. 156]. Знак косоугольного креста означает, что это солнечное божество. Одной рукой оно бросает вниз дорожку из точек (вероятно, шерстинок в виде душ людей и зверей), символизирующих силы плодородия природы. Возможно, это изображение шамана в роли верховного солнечного божества, т.к. фигура одета в костюм с бахромой (змеями-подвесками, напоминающими шаманскую одежду), а на голове — рогатая маска (рис. 2).

Второе место в пантеоне древнего населения Восточной Сибири и Верхнего Амура занимало божество солнца, связанное с почитанием этого светила.

Культе солнца у народов Забайкалья, Прибайкалья и верхнего Амура,

дов был связан с шаманским божеством плодородия Ерхе мергеном, являющимся также хозяином погоды, отвечающим, в том числе, за ход светила. В героическом эпосе эвенков это богатырь Ирки мата или Иркисмондя [42, с. 343—344, 347—351], с ним связан сюжет случайного убийства стариком — хозяином грома Торгондя — своего сына: Иркисмондя умирает и попадает в мир мёртвых. Шаманка удаганка томпонских эвенков идёт в нижний мир, оживляет богатыря живой водой и возвращает его к людям [39, с. 306].

У эвенов сохранились бронзовые подвески в виде летящего на птице человека, к которому привязаны бронзовые круги с равносторонним крестом внутри [2, с. 449; 42, с. 344]. Вместе круг и крест в нём символизируют солнце. Солнечные круги с полоской точек внизу изображали у чжурчжэней солнечный календарь [48, с. 132—135].

В Приморье у с. Синегорье были найдены черепки средневековых керамических сосудов бохайского периода с изображением пляшущих человечков с рогами и остроголовым головным убором (или причёской), а также одеждой с широким подолом. Некоторыми исследователями эти человечки соотносятся с эвенкийским круговым танцем-хороводом во время охотничьего обряда шингкэлавун, проводимого у священных скал [22, с. 101]. Аналогичные изображения, реликт народов алтайского языкового круга, связанный с наскальными рисунками Центральной Азии и Забайкалья, были выявлены на бронзовом ноже хуннов из Ордосского государственного музея Внутренней Монголии и на деревянном панно на Северо-Востоке Китая [17, с. 234]. О.В. Дьякова приводит другую интерпретацию бохайских черепков из плавильных печей Синегорья, видя в них реликт когуреских ремесленных центров и связывая изображения пляшущих остроголовых человечков с женским хороводным танцем, исполняемым корейцами в праздник урожая Чхусон, отражающим культ луны [17, с. 235].

Сюжет о подаче верховными божествами солнца небесной благодати — плодородия для растений, зверей и людей — имеется на священных скалах Верхнего Амура в двух видах. На писанице из Енньюёс с р. Алдан (2 пол. II тыс. до н.э. — нач. I тыс. до н.э.) изображены 2 антропоморфные фигуры у солнца, от которого идёт двойная дорожка вниз из точек к двум оленям [36, с. 91]. Точки обозначают подачу небесной благодати в виде душ зверей. На священных скалах с Нюкжи Верхнего Амура нарисованы солнце в виде круга с лучами и перекрестьем в центре и три крупных человеческих фигуры рядом с ним, вероятно, божества. Над солнцем три косых креста, возможно, звёзды. Таким образом, показано пространство небесной сферы. Справа от изображения Неба и хозяев солнца помещена фигура человека с кругом в руках и точками внизу, ниспадающими от круга, ниже расположен человек по размеру в два раза меньше. По-видимому, фигура с кругом — это изображение шамана с бубном, соотносимое с шаманским обрядом амурских эвенков по добыванию у Верховного божества Неба душ зверей и людей во время осеннего ритуала Сэвэкан. Важно отметить: небесное Верховное божество Буга посылает людям души зверей и способствует удаче в охоте, а божество солнца посылает души детей, особенно мальчиков (рис. 3).

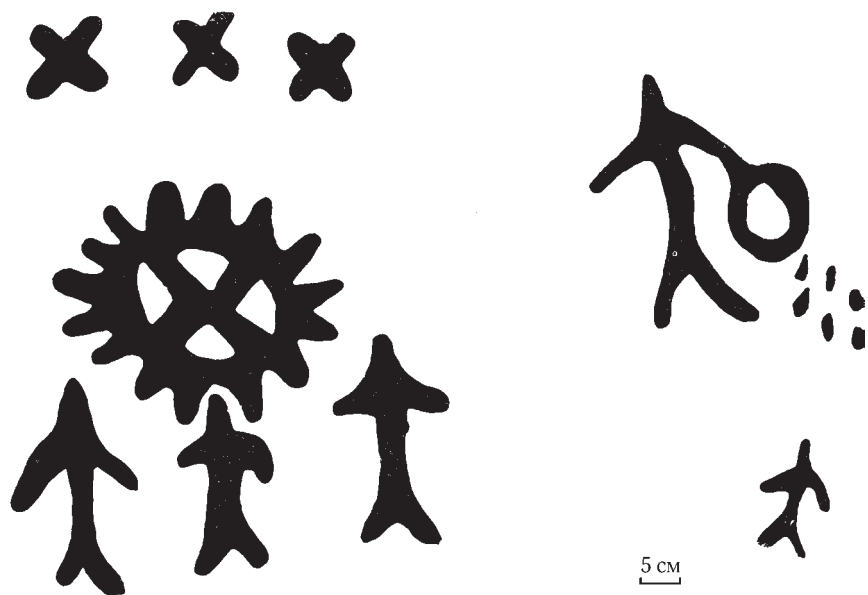


Рис. 3. Божества солнца Сэвэки и шаман. Петроглифы с р. Нюкжа. *Источник:* [37]

Солнце и луна обязательно изображались на шаманских картинах бира-ров и манегров конца XIX — начала XX в., которые входили в шаманские лечебные комплексы родовых духов шамана у солонов и манегров [18, с. 198; 40, с. 93—94]. У манегров в шаманском комплексе духов-помощников важную роль играли фигурки солнца (имели вид деревянного круглого диска, перечерченного чёрным косым крестом и выкрашенного в красный цвет) и изображение луны с хозяйкой на ней. На поверхности луны были нарисованы дерево, лосиха и змея [Арх. РЭМ. Кол. 6236-137; 4216-470; 13, с. 58]. Семантика этих изображений свидетельствует: на лунной поверхности изображены антропоморфная хозяйка луны и дерева жизни, имеющая также облик лунной лосихи и связанная с водной стихией в образе змеи.

На писанице Приангарья божество солнца, изображённое в облике всадника на коне, датировано эпохой бронзы [32, с. 319]. Об этом мы можем говорить на основе более поздних археологических аналогий. У мохэсцев и чжурчжэней — предков тунгусо-маньчжурских народов — были фигурки из бронзы и красной меди в виде всадников на конях, связываемые исследователями с божествами солнца [47; 17]. В шаманской практике эвенков и эвенов использовались бронзовые зеркала с изображением всадника. На бронзовых зеркалах эвенов якутской работы имеется модель мира в виде духов трёх миров: солнечного всадника вверху, двух тигров в средней части и двух нерп внизу, — соответственно маркирующих небо, тайгу и воду [Арх. РЭМ. Кол. 2245-105/1,2; 41, с. 83]. Графическое изображение этих образов на зеркале соответствует рисункам на шаманских иконах из ткани [18, с. 126—128, 131, 280, 284]. У енисейских эвенков на спинке шаманского костюма было бронзовое зеркало согдийской работы с фигурой всадника, представляющего солнечное божество Митры, которое у эвенков воспринималось как верховное солнечное божество Сэвэки [Арх. РЭМ.

Кол. 717-1а]. Это зеркало могло попасть к эвенкам в средние века от согдийской колонии ремесленников в Забайкалье [31, с. 273—281].

С солнцем и луной в мифологии эвенков был связан образ лося, оленя или коня. Образ солнечной лосихи, уносящей светило на своих рогах, имеет неолитические корни в тунгусской мифологии. Представление об олене с рогами до неба, несущем на них солнце и луну, известно эвенкам Забайкалья. Всадник на таком олене назывался богатырём Куладай мэрген [12, с. 66—69]. В шаманизме енисейских эвенов первый шаман Гуривуль имел главного духа-помощника в образе оленя-пороза [9, с. 136—138]. Изображение оленя с ветвистыми рогами типа дерева-лестницы либо с рогами вдоль тела типично для петроглифов Центральной Азии и Забайкалья и связано со скифскими традициями [27; 34]. В единичных случаях оно встречается и на петроглифах Верхнего Амура.

По представлениям ороочонов, на верхнем уровне неба располагалась бабушка-солнце Энекан Сигун, луна же являлась зеркалом в её руках, отражающим дела людей и звёзды. Энекан Сигун всю зиму копила в своей юрте тепло, а весной выпускала его на землю. От солнца зависела смена времён года, дня и ночи [25, с. 7]. Образ женщины с зеркалом в руке был известен скифской мифологии, по-видимому, предки тунгусов заимствовали его в скифское время у народов Центральной Азии.

Ещё один образ с аналогичным значением, связанный с солнцем, обнаружен на писаницах Верхнего Амура. Это антропоморфное фаллическое существо с округлой лучистой головой [37, с. 181—182], которое, судя по семантике изображения, представляет собой солнечное божество плодородия. В нанайской мифологии оно имеет имя шаманского духа, являющегося посредником между тремя мирами, небожителя, божества плодородия Ерха мергена, у эвенков это богатырь среднего мира Ирки мата из героического эпоса [45, с. 13—14; 42, с. 326—358].

Третий по значимости образ древнего пантеона, сохранившийся на священных скалах, — образ громовника. Впервые его изображение встречается на Нижнем Амуре. По нашему мнению, это две зооморфные личины Сакачи-Аляна, изображённые в виде личин драконов: у первой на лбу скручены змеи, у второй змеи расположены на щеках [35]. З.С. Лапшина справедливо считает, что последняя личина также изображает модель мира [21, с. 68—69], где змеи символизируют горизонтальные миры Вселенной верха и низа. О том, что личины драконов со змеями в контуре изображают громовника, свидетельствуют данные этнографии.

У тунгусских народов наиболее распространён антропоморфный облик громовника, либо он предстаёт в образе змея или дракона. Так, у солонов антропоморфная фигурка этого божества входила в состав родовых шаманских предков [40, с. 85—86]. В эпоху бронзы в Северной Маньчжурии был раскопан один жертвенник в форме змея, представлявший, по мнению исследователя С. Алкина, ритуальный инициальный комплекс. При этом обнаружили фигурки животных, в т.ч. дракона в виде завитка (наиболее раннее восточноазиатское изображение дракона в его традиционной форме [1, с. 28—33]). У жжурчжэней Приморья — предков маньчжуров, а также

части нанайцев и удэгейцев — были найдены изображения всадника на коне и всадника на драконе, выполненные из металла. По мнению известного дальневосточного археолога Э.В. Шавкунова, они изображали духов неба и подземелья, которые под влиянием манихейских традиций трактовались как хозяева света и тьмы [47, с. 167]. У нанайцев и эвенков громовник в облике змее-дракона встречается на шаманских иконах с изображением модели мира, духов природы и духов-помощников шамана [18, с. 261—264, 268, 275, 277].

По более поздним представлениям тунгусо-маньчжурских народов, образ громовника был связан с антропоморфным существом, держащим в одной руке плеть-змею или змеи-стрелы в двух руках. Данные изображения встречаются на шаманских костюмах нанайцев и удэгейцев, также в виде шаманской железной подвески к ритуальному костюму шамана эвенков [18, с. 339—340, 352; Арх. РЭМ. Кол. 730-52; 32, с. 210].

В шаманских текстах западных эвенков громовник назван «отцом духов». К нему обращались во время небесного камлания арбалден [53, с. 61]. В пантеоне тунгусо-маньчжурских народов громовник объединяет понятия грома, молнии, дождя, грозы, иногда также ветра, бури, вьюги, он является помощником Верховного божества, творцом, хозяином погоды, подателем плодородия, шаманским предком, небожителем и владыкой мира мёртвых [42, с. 233—272].

На территории Верхнего Амура и Прибайкалья в эпоху бронзы появляются изображения громовников в виде больших широкоплечих фигур с треугольными туловищами с расставленными руками и ногами. На теле некоторых из фигур имелись диагональные полосы — знаки молнии или атрибуты топора, — либо туловище покрывал ёлочкообразный орнамент, символизирующий скелет [30, с. 84, 98; 37, с. 140—141]. Наиболее широко такие изображения представлены в Прибайкалье. Одни учёные, например А.П. Окладников, считают их фигурами шаманов [33, с. 84, 99], а другие, например Д.С. Дугаров, связывают с громовниками индоевропейской мифологии [15, с. 159—270]. На скалах в бассейне р. Оленёк на севере Якутии у фигуры громовника есть фоновое заполнение чёрной краской, а лицо представлено прямоугольником с горизонтальной полосой. Рядом с громовником расположена фигура шамана в костюме с крыльями в образе птицы [5, с. 118—119].

На территории Верхнего Амура имеется одно изображение громовника в лодке, выполненное в виде широкоплечей фигуры рядом с животными (оленом, медведем, кабаргой). Судя по изображению, это лодка мёртвых [37, с. 141]. Данная находка позволяет сделать вывод: громовник в древних представлениях населения Верхнего Амура был связан не только с небом, но и со сферой подземелья и землёй. Образ плечистого антропоморфного существа на писаницах Прибайкалья, Оленёка и Верхнего Амура появляется, вероятно, под влиянием индоевропейских народов II тыс. до н.э. [15, с. 159—270] (рис. 4).

На Верхнем Амуре, Басынае и Олёкме имеется и позднейшее (I тыс. до н.э.) антропоморфное изображение громовника, более характерное по стилистике



Рис. 4. Божество грома в лодке.
Петроглифы с р. Басынай.
Источник: [37]

для собственно тунгусо-маньчжурских верований. Это представляющий местную традицию трёхпалый человек с оленьими копытами и лучистой головой (возможно, головой медведя). Он помещён среди оленей, ниже расположена фигура, по-видимому, шамана и человека, получающего помощь от божества грома через какой-то ритуал [25, с. 15]. А.И. Мазин сравнивает это изображение петроглифов с шаманской подвеской амурских эвенков, которая имеет вид крылатой антропоморфной фигуры с головой медведя и изображает божество грома Агды [25, с. 13—15]. Эвенки и другие тунгусские народы Амура считали громовника главным шаманским помощником, поэтому прикрепляли его фигурки на шаманской одежде. Это были, например, манегры в виде птицы [Арх. РЭМ. Кол. 4216-484, 489; Макаренко А.А. Материалы экспедиции в Забайкальскую область по теме «Камлание ороchonского шамана». СПб., 1913. Л. 50 // Арх. РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 126, 215, 217, 218]. Изображение грома в образе тигра входило в шаманский комплекс родовых духов-помощников шаманов манегров [Арх. РЭМ. Кол. 464/1,2; 13, с. 59] (рис. 5).

На писаницах Олёкмы изображены расположенные в ряд профильные фигурки с треугольными головами, головами-развилками и головами в виде лунообразных наверший, датируемые II тыс. до н.э. Они помещены в верхнем мире, так как рядом с ними расположены солнце и луна, звёзды [37, с. 134]. Вероятно, это духи-помощники шамана, возможно, связанные с кузнечеством, или помощники громовника. Рядом с изображениями имеется фигура всадника на однорогом олене, а ниже — всадника на медведе, которые могут изображать фигуру шаманского духа-посредника по имени Ирки мата, известного в героическом шаманском эпосе верхнеамурских и алданских эвенков [39, с. 202—306].

Наряду с духами Неба на писаницах рассматриваемого региона — Восточной Сибири и Дальнего Востока — были духи среднего и нижнего мира.

На писанице Верхнего Приамурья I тыс. до н.э. Онён изображено антропоморфное существо с овальной головой, ромбовидным туловищем

без рук и расходящимися ногами. Внутри рисунка обозначена косая линия [37, с. 168]. По величине фигура в два-три раза больше, чем изображения людей и животных, но меньше, чем личины верховных богов. Существо похоже на деревянный идол хозяина тайги и зверей (Сэвохи) удэгейцев [42, с. 484—485] или на Сэвэки амурских эвенков, изображающего покровителя растительности и животного мира на шаманском коврике — душехранилище душ оленей и людей (наму дэтур) [25, с. 16]. Важно отметить: изображение лица и головы фигуры в целом напоминает одну из личин на более ранних неолитических писаницах священных камней Сакачи-Аляна (Нижний Амур) [35, с. 212]. Голова круглая, лоб и уши выделены овальной чертой, нос треугольной формы сливается с бровями, глаза круглые, рот — овал. В отличие от верхнеамурского изображения, на Нижнем Амуре на голове существа имеются три антенны-стерженька. Подобные детали присутствуют на шаманском изображении у народов Амура и символизируют духов-охранителей. На верхнеамурской писанице существо помещено рядом с животными, что свидетельствует о его связи с миром зверей, возможно, это изображение хозяина зверей (рис. 6).

На скалах Май (бассейна Алдана) имеется ещё одно антропоморфное изображение, сопоставимое с духом среднего мира. Это профильная островерхая фаллическая фигура с увеличенной одной пятипалой рукой типа гребёнки, датируемая эпохой бронзы (II тыс. до н.э.) [36, с. 128]. Изображение можно сравнить с образом духа — хозяина рек и гор Калгама тунгусо-маньчжурских народов Амура или Калу(сал) эвенков [6, с. 247—266; 42, с. 469—483]. В верованиях тунгусо-маньчжуров это были мифические существа трёх миров, считавшиеся духами воды, тайги и неба [49, с. 518] и предками-покровителями людей [42, с. 475—480]. Их изображения использовались в лечебных целях. Калгама представлялись в виде двупалых горных великанов с острой вытянутой головой, при этом различались мужские и женские персонажи. Женский образ можно сопоставить с духом Албасты тюркской мифологии, атрибутом которой была гребёнка. Однако перед нами изображена фаллическая фигура. Охотники для промысловой удачи стремились заполучить сумку духа и рек Калгама, в которой хранились шерстинки — души промысловых зверей. Изображения духа Калгама нанайцы относили к группе горных духов города [20, с. 53—57].

На скалах Верхнего Приамурья р. Чара имеется крупное изображение одноглазой личины с отростками, идущими от треугольного лица вниз. Личина помещена под тремя лодками с человечками в них [37, с. 165]. Вся композиция изображает Великое божество подземного мира, хозяина судеб людей, который встречает ладьи плывущих в мир мёртвых. В пантеоне тунгусо-маньчжурских народов данный образ известен как Амба — дух земли, болота, — у эвенков это Дунну или чёрный хозяин харан мухунын. Согласно шаманским верованиям, он может выходить на поверхность в облике гагары, медведя, оленя. Также его представляли в образе рыбы [42, с. 521—523]. Позднее это божество стало известно под именем Инмун кан у бираров и хинганских эвенков, Ирлинкан у баргузинских эвенков, Илмун хан у кумарченгов [52, с. 128, 139, 140—141], Ирму хан



Рис. 5. Бог грома и шаман. Петроглифы с р. Онён. *Источник:* [37]



Рис. 6. Бог леса Сэвэки. Петроглифы с р. Онён. *Источник:* [37]

у солонов [40, с. 87], Арумо у енисейских эвенков [9, с. 272—273]. С.М. Широкогоров считает, что имя духа нижнего мира Илмунхан у маньчжуров и маньчжурских эвенков связано с монгольским персонажем Эрлик ханом, а у баргузинских эвенков Ирлинкан связан с якутским и сопоставим с буддийским Яма (погружённый) [52, с. 169; 46, с. 310] (рис. 7).

Ещё три наскальных изображения на Верхнем Амуре связаны с духом-хозяином нижнего мира, сопоставимым с эвенкийским Харги. На р. Мае это трёхпалая фаллическая фигура с длинными согнутыми в локтях руками и круглой головой. Рисунок датируется эпохой бронзы (II тыс. до н.э.) [36, с. 131]. На другой писанице есть трёхпалый дух с круглой головой. Третье изображение (писаницы Большой Онон Верхнего Амурса, эпоха бронзы (II тыс. до н.э.)) обнаруживается в сцене, интерпретируемой А.И. Мазиным как насилие злого духа Харги над девушкой [37, с. 169]. Перечисленные изображения можно сравнить с металлической фигуркой (подвеской к шаманскому кафтану енисейских эвенков), изображающей главного духа-помощника шамана Харги. Это крылатое антропоморфное существо с круглой головой, открытым ртом, расставленными руками, на двух расходящихся ногах [4, с. 136—137].

Согласно эвенкийской мифологии, Харги своим влиянием охватывал все три сферы подземного мира: болота, воду, огонь [25, с. 17; 4, с. 136—138, 142—143, 174]. Харги — хозяин земли и подземелья, старший брат-творец, находящийся в оппозиции к хозяину Неба Хэвэки [8, с. 173—179]. Харги выходил из подземелья либо страшным зверем, либо оленем, либо медведем, либо гагарой и разносил болезни, горе и смерть [Бердников И.И. 1910. Доклад «Краткий опыт обследования тунгусов водораздела Подкаменной Тунгуски Енисейской губернии», СПб., 1910, Л. 10 // Арх. РЭМ. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1]. По данным шамана Дохолокто Нижней Тунгуски, шаман Хигын первым на земле завёлся и никого не боится, ни бога Оксари, ни лучшего Тогомор [Воронов П.Т. Материалы по шаманству эвенков р. Катанги (Нижняя Тунгуска). СПб., 1908—1914. Л. 4 // Арх. РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 123; Воронов П.Т. Материалы по шаманству эвенков р. Катанги (Нижняя Тунгуска). СПб., 1908—1914. Л. 48, 54, 135 // Арх. РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 119]. У верхнеамурских ороحوнов в мифе старший брат — творец Харги — борется со своим младшим братом-творцом Сэвэки. Харги создал вредных животных, испортил человеческие формы: внёс в них болезни при творении людей [25, с. 220].

Наряду с указанными изображениями на петроглифах Приангарья в эпоху бронзового времени встречаются змееобразные одноногие профильные горбатые антропоморфные фигуры [32, с. 152, 174, 307—308]. В мифологии тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, орочей, удэгейцев) им соответствует образ антропоморфной горбатой профильной фигуры птице-змея Бучу (нанайцы, орочи), Боко (нанайцы), Бокосо, Багдэ (удэгейцы) — посредника между мирами, шаманского духа-помощника. Из дерева вырезали птицеголовую крылатую фигурку на одной полусогнутой ноге и оклеивали шкуркой косули. Это свидетельствовало, что Бучу/Боко мог принимать облик как птицы, птицы-змея, так и копытного зверя. Бучу жил в подземелье,

являлся хозяином ветра и бури, в т.ч. грома [42, с. 357]. В фольклоре эвенков имеется аналогичный образ хозяина земли Боскондяриндя или Быхындор [9; 12]. У амурских эвенков в шаманизме известна подземная женщина Буникэн, или Дуннур, одноухая хозяйка земли, изображение которой сопоставимо с зооморфной личиной на священном камне Сакачи-Аляна [7, с. 52–53; 35, с. 31].

Таким образом, настоящее исследование показало: мифология эвенков своими истоками восходит к неолитическим и эпохи бронзы прообразам петроглифов Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья. Именно в этих регионах шло формирование предков древних тунгусов. Отдельные мифологические сюжеты сопоставляются с наскальными изображениями Нижнего Амура, что свидетельствует о связях Нижнего и Верхнего Приамурья в эпоху неолита и бронзы. Как полагают исследователи, наиболее архаичны наскальные рисунки IV—III тыс. до н.э., где изображены

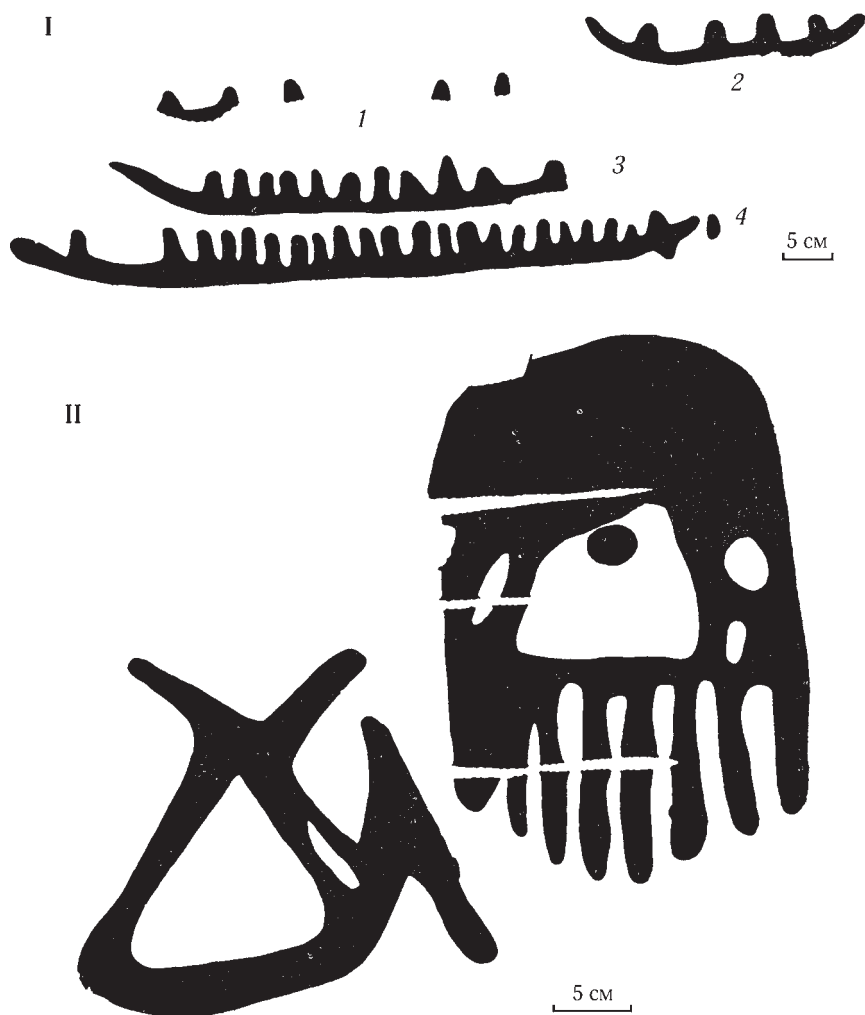


Рис. 7. Божество подземелья и лодки мёртвых с жертвоприношением сердца. Петроглифы с р. Чара. Источник: [37]

животные — реалистичные крупные фигуры лосей. Они сохранились на священных скалах Верхнего Амура (древний слой Средне-Нюкжинской писаницы), в Прибайкалье (р. Ангара) и Нижнем Амуре [35, с. 216; 33, с. 194—207, 209, 216, 218, 221; 37, с. 123]. По мнению А.П. Окладникова, изображения лося древний художник ассоциировал с образом всей Вселенной видимого мира, самой природы [30, с. 301, 311]. Лось изображал древнюю тотемистическую модель мира.

Проанализировав изображения духов на петроглифах Верхнего Амура, Оленёка и Алдана эпохи палеометалла (бронзы — раннего железа) II тыс. до н.э. — I тыс. до н.э., автор пришёл к выводу, что на них изображён пантеон богов и духов, имеющий аналогии с пантеоном эвенков.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алкин С.В. Палеометалл Дальнего Востока // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология и философия. Новосибирск, 1987. № 10. С. 28—33.
2. Андреева Л.В., Сем Т.Ю. Художественная обработка меха и кожи у народностей Крайнего Северо-Востока: в 2 вып. Вып. 2: Эвены. Магадан: МАОБТИ, 2004. 468 с.
3. Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: АН СССР, 1959. 106 с.
4. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: АН СССР, 1958. 235 с.
5. Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. 190 с.
6. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.
7. Варламова Г.И. Новые фольклорные материалы по эвенкийскому шаманизму // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 4. С. 48—53.
8. Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1959. Т. 51. С. 157—191.
9. Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: ИНС, 1936. 290 с.
10. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) Л.: Наука, 1969. 304 с.
11. Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1983. 367 с.
12. Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор: учеб. пособие для педагогич. училищ. Л., 1960. 339 с.
13. Горбачёва В.В., Сем Т.Ю., Соловьёва К.Ю. На грани миров. Шаманизм народов Сибири: из собрания Российского этнографического музея. М.: Художник и книга, 2006. 296 с.
14. Деревянко А.П. Приамурье. 1 тысячелетие до нашей эры. Новосибирск: Наука СО, 1976. 384 с.
15. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. М.: Наука, 1991. 298 с.
16. Дьяков В.И. Древние художники Сихотэ-Алиня // Дальний Восток. Хабаровск, 1978. № 6. С. 125—130.
17. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука ВЛ, 2014. 318 с.

18. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. (Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо Маклая. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. XXII. 838 с.
19. Краски земли Дерсу: фотоальбом. Хабаровск, 1982. 276 с.
20. Кубанова Т.А. Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания Музея советского изобразительного искусства): каталог. Комсомольск-на-Амуре, 1992. 178 с.
21. Лапшина З.С. Архаичная модель мира в наскальных рисунках Амура и Усури. Хабаровск: ХГАИК, 2012. 212 с.
22. Леньков В.Д., Бродянский Д.Л. Пляшущие человечки из Синегорья: Сюжетные рисунки на средневековых сосудах в Приморье // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 1995. № 6. С. 98—103.
23. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. Абакан, 2006. 236 с.
24. Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 102 с.
25. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX века). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.
26. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времён до XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
27. Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 382 с.
28. Огонь, вода, ветер и камень в этнографических ландшафтах. Отношение человека и природы в Байкальской Сибири / В.Н. Давыдов, В.В. Симонова, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускас. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
29. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959. 292 с.
30. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. 1—2. М.; Л.: АН СССР, 1950. 411 с.
31. Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (сегодняшняя колония на р. Унге) // Тюркологические исследования. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 273—281.
32. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.: Наука, 1966. 322 с.
33. Окладников А.П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974. 123 с.
34. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья: в 2 ч. Ч. 1. Л.: Наука, 1969. 218 с.; Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.
35. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.
36. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
37. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 188 с.
38. Окладникова Е.А. Череповидные маски Сакачи-Аляна // Природа. 1980. № 8. С. 96—101.
39. Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. Л.: Наука, 1968. 215 с.
40. Сем Л.И., Осокина Э.Н. Религиозные представления солонов (по материалам этнографической коллекции и фольклору) // Фольклор и этнография народов Севера: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1986. С. 84—104.
41. Сем Т.Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX—XX вв. (Типология и семантика образов). Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2013. 240 с.
42. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. 640 с.

43. Сем Т.Ю. Наскальные изображения сакрального времени и их историческое прочтение в фольклоре тунгусо-маньчжуров // *Номо Eurasicus* в духовных и социальных реалиях времени: материалы всерос. науч.-практич. конф. СПб., 26 окт. 2012 г. / отв. ред. Е.А. Окладникова. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 44—63.
44. Сем Т.Ю. Первые шаманские предки тунгусов в фольклоре и верованиях (К проблеме генезиса белого шаманства) // *Проблемы сибирской ментальности*. СПб.: Астерион, 2004. С. 200—217.
45. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
46. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Т. 1. Л., 1975. 672 с.
47. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
48. Шавкунов Э.В. Находка древнего календаря народов Советского Приморья // *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 1973. С. 132—135.
49. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
50. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов (этюды по сравнительному фольклору) // *Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН): избранные статьи*. СПб.: Европейский Дом, 1995. С. 357—383.
51. Ikegami Jiro. Album of the uiltas (oroks) of Sakhalin. The society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore. Abashiri. Hokkaido, Japan, 1982. 116 p.
52. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the tungus. Peking Catholic University Press, 1935. 469 p.
53. Menges K.H. Drei Schamanengesänge der Ewenki-Tungusen Nord-Sibiriens: aufgezeichnet von K.M. Ryckov in den Jahren 1905—1909. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. 339 p.
54. Арх. РЭМ (Арх. Российского этнографического музея).

REFERENCES

1. Alkin S.V. Paleometall Dal'nego Vostoka [Paleometal of the Far East]. *Izvestija Sibirskogo otdelenija Akademii nauk SSSR. Serija: Istorija, filologija i filosofija* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. A historical, philological and philosophical series.]. Novosibirsk, 1987, no. 10, pp. 28—33. (In Russ.)
2. Andreeva L.V., Sem T.Ju. *Hudozhestvennaja obrabotka meha i kozhi u narodnostej Krajnego Severo-Vostoka. Vyp. 2. Jeveny* [Fur and skin art among the peoples of the Extreme North-East. Issue 2. Evens]. Magadan, MAOBTI Publ., 2004, 468 p. (In Russ.)
3. Anisimov A.F. *Kosmogonicheskie predstavlenija narodov Severa* [Cosmogonic representations of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959, 106 p. (In Russ.)
4. Anisimov A.F. *Religija jevenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proishozhdenija pervobytnyh verovanij* [Evenki religion in the historical and genetic study and problems of the origins of primitive beliefs]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, 235 p. (In Russ.)
5. Arhipov N.D. *Drevnie kul'tury Jakutii* [Ancient cultures of Yakutia]. Jakutsk, Jakut. kn. izd-vo Publ., 1989, 190 p. (In Russ.)
6. Bereznickij S.V. *Jetnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennyh narodov Amuro-Sahalinskogo regiona* [Ethnic components of beliefs and rituals of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 486 p. (In Russ.)

7. Varlamova G.I. *Novye fol'klornye materialy po jevenkijskomu shamanizmu* [New folklore materials on Evenk shamanism]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Novosibirsk, 1994, no. 4, pp. 48—53. (In Russ.)
8. Vasilevich G.M. *Rannie predstavlenija o mire u jevenkov* [Early ideas of the Evenki about the world]. *Trudy Instituta jetnografii im. N.N. Mikluho Maklaja* [Proceedings of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography]. 1959, vol. 51, pp. 157—191. (In Russ.)
9. Vasilevich G.M. *Sbornik materialov po jevenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Collection of materials about the Evenk (Tungus) folklore]. Leningrad, INS Publ., 1936, 290 p. (In Russ.)
10. Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (the 18th century — the beginning of the 20th century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
11. Vorob'ev M.V. *Kul'tura chzhurchzhjenej i gosudarstvo Czin' (X v. — 1234 g.)* [The culture of the Jurchens and the state of Jin (10th century — 1234)]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 367 p. (In Russ.)
12. Voskoboynikov M.G. *Jevenkijskij fol'klor: uchebnoe posobie dlja pedagogicheskikh uchilishh* [Evenki folklore: a textbook for pedagogical schools]. Leningrad, 1960, 339 p. (In Russ.)
13. Gorbacheva V.V., Sem T.Ju., Solov'eva K.Ju. *Na grani mirov. Shamanizm narodov Sibiri (Iz sobranija Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja)* [On the edge of worlds. Shamanism of the peoples of Siberia (From the collection of the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg)]. Moscow, Hudozhnik i kniga Publ., 2006, 296 p. (In Russ.)
14. Derevjanko A.P. *Priamur'e. 1 tysjacheletie do nashej jery* [Priamurye. First millennium BC]. Novosibirsk, Nauka SO Publ., 1976, 384 p. (In Russ.)
15. Dugarov D.S. *Istoricheskie korni belogo shamanstva na materiale obrjadovogo fol'klora burjat* [Historical roots of white shamanism in the case study of ritual folklore of the Buryats]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 298 p. (In Russ.)
16. D'jakov V.I. *Drevnie hudozhniki Sihote-Alinja* [Ancient artists of the Sikhote-Alin]. *Dal'niy Vostok*, Habarovsk, 1978, no. 6, pp. 125—160. (In Russ.)
17. D'jakova O.V. *Gosudarstvo Bohaj: arheologija, istorija, politika* [The state of Bohai: archeology, history, politics]. Moscow, Nauka VL Publ., 2014, 318 p. (In Russ.)
18. Ivanov S.V. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — nachala XX v. (Sjuzhetnyj risunok i drugie vidy izobrazhenij na ploskosti)* [Materials on the fine arts of the peoples of Siberia in the 19th century — early 20th century (The plot picture and other types of images)]. *Trudy Instituta jetnografii im. N.N. Mikluho Maklaja* [Proceedings of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1954, vol. 22, 838 p. (In Russ.)
19. *Kraski zemli Dersu*. Fotoal'bom [Paints of the land of Dersu. Photo album]. Habarovsk, 1982, 276 p. (In Russ.)
20. Kubanova T.A. *Ritual'naja skul'ptura nanajcev (iz sobranija Muzeja sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva)*. Katalog [Ritual sculpture of the Nanais (from the collection of the Museum of Soviet Fine Arts). Catalog]. Komsomol'sk-na-Amure, 1992, 178 p. (In Russ.)
21. Lapshina Z.S. *Arhaichnaja model' mira v naskal'nyh risunkah Amura i Ussuri* [Archaic model of the world in rock carvings of the Amur and the Ussuri]. Habarovsk, HGAIK Publ., 2012, 212 p. (In Russ.)
22. Len'kov V.D., Brodjanskiy D.L. *Pljashuschie chelovechki iz Sinegor'ja: Syuzhetnye risunki na srednevekovyh sosudah v Primor'e* [Dancing people from Sinogorye: The plot drawings on medieval vessels in Primorye]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija RAN*, Vladivostok, 1995, no. 6, pp. 98—103. (In Russ.)
23. Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Ju.N. *Izvajanija i stely Okunevskoj kul'tury* [Statues and steles of Okunev culture]. Abakan, 2006, 236 p. (In Russ.)

24. Mazin A.I. *Drevnie svjatilishha Priamur'ja* [Ancient sanctuaries of the Amur Region]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 102 p. (In Russ.)
25. Mazin A.I. *Tradicionnyye verovanija i obrjady jevenkov-orochonov (konec XIX — nachalo XX veka)* [Traditional beliefs and ceremonies of Evenki-Orochons (late 19th century — early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 200 p. (In Russ.)
26. Mihajlov T.M. *Iz istorii burjatskogo shamanizma (s drevnejshih vremen do XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 320 p. (In Russ.)
27. Novgorodova Je.A. *Drevnjaja Mongolija (nekotorye problemy hronologii i jetnokul'turnoj istorii)* [Ancient Mongolia (some problems of chronology and ethnocultural history)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 382 p. (In Russ.)
28. Davydov V.N., Simonova V.V., Sem T.Ju., Brandishauskas D. *Ogon', voda, veter i kamen' v jetnograficheskikh landshaftah. Otnoshenie cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri* [Fire, water, wind and stone in ethnographic landscapes. The attitude of man and nature in Baikal Siberia]. Saint-Petersburg, MAE RAN Publ., 2016, 196 p. (In Russ.)
29. Okladnikov A.P. *Dalekoe proshloe Primor'ja (Ocherki po drevnej i srednevekovoj istorii Primorskogo kraja)* [Faraway past of Primorye (Essays on ancient and medieval history of Primorsky region)]. Vladivostok, Primorskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1959, 292 p. (In Russ.)
30. Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ja. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Ch. 1—2.* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. Historical and archaeological research. Part 1—2]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950, 411 p. (In Russ.)
31. Okladnikov A.P. *Novye dannye po istorii Pribajkal'ja v tjurkskoe vremja (sogdijskaja kolonija na r. Unge)* [New data on the history of the Baikal region during the Turkic period (Sogdian colony on the river Unga)]. *Tjurkologicheskie issledovanija*, Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, pp. 273—281. (In Russ.)
32. Okladnikov A.P. *Petroglify Angary* [Petroglyphs of the Angara]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 322 p. (In Russ.)
33. Okladnikov A.P. *Petroglify Bajkala — pamjatniki drevnej kul'tury narodov Sibiri* [Petroglyphs of Lake Baikal — monuments of the ancient culture of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1974, 123 p. (In Russ.)
34. Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Zabajkal'ja. V 2 ch.* [Petroglyphs of Transbaikalia: in 2 parts]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 1, 1969, 218 p.; Leningrad, Nauka Publ., vol. 2, 1970, 264 p. (In Russ.)
35. Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 336 p. (In Russ.)
36. Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy bassejna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan basin]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 168 p. (In Russ.)
37. Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ja* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur River]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 188 p. (In Russ.)
38. Okladnikova E.A. *Cherepovidnye maski Sakachi-Aljana* [Skull-like masks of Sakachi-Alyan]. *Priroda*, 1980, no. 8, pp. 96—101. (In Russ.)
39. Romanova A.V., Myreeva A.N. *Fol'klor jevenkov Jakutii* [Folklore of the Evenki of Yakutia]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 215 p. (In Russ.)
40. Sem L.I., Osokina Je.N. *Religioznye predstavlenija solonov (po materialam jetnograficheskoj kollekcii i fol'kloru)* [Religious representations of solons (materials from the ethnographic collection and folklore)]. *Fol'klor i jetnografija narodov Severa* [Folklore and ethnography of the peoples of the North]. Leningrad, LGPI Publ., 1986, pp. 84—104. (In Russ.)

41. Sem T.Ju. *Verhovnyj panteon tunguso-man'chzhurskih narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: XIX—XX vv. (Tipologija i semantika obrazov)* [The Supreme Pantheon of the Manchu-Tungus peoples of Siberia and the Far East: 19th—20th centuries. (Typology and semantics of images)]. Juzhno-Sahalinsk, Sahalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)
42. Sem T.Ju. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i jetnokul'turnye svjazi). Istoriko-jetnograficheskie očerki* [The picture of the world of the Tungus: the pantheon (semantics of images and ethno-cultural relations). Historical and ethnographic essays]. Saint-Petersburg, Filfak SPBGU Publ., 2015, 640 p. (In Russ.)
43. Sem T.Ju. *Naskal'nye izobrazhenija sakral'nogo vremeni i ih istoricheskoe prochtenie v fol'klоре tunguso-man'chzhurov* [Petroglyphs of sacred time and their historical interpretation in the folklore of the Manchu-Tungus]. *Homo Eurasicus v duhovnyh i social'nyh realijah vremeni* [Homo Eurasicus in the spiritual and social realities of time]. Saint-Petersburg, SPBGU Publ., 2012, pp. 44—63. (In Russ.)
44. Sem T.Ju. *Pervye shamanskie predki tungusov v fol'klоре i verovanijah (K probleme genezisa belogo shamanstva)* [The first shaman ancestors of the Tungus in folklore and beliefs (The problem of the genesis of white shamanism)]. *Problemy sibirskoj mental'nosti* [Problems of the Siberian mentality]. Saint-Petersburg, Asterion Publ., 2004, pp. 200—217. (In Russ.)
45. Smoljak A.V. *Shaman: lichnost', funkcii, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, world view (the peoples of the Lower Amur)]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 280 p. (In Russ.)
46. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov. V 2 tomah* [Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages. In 2 volumes]. Leningrad, 1975, vol. 1, 672 p. (In Russ.)
47. Shavkunov Je.V. *Kul'tura chzhurchzhjenej-udigje XII—XIII vv. i problema proishozhdenija tungusskih narodov Dal'nego Vostoka* [The culture of the Jurchen-Udege in the 12—13th centuries. The problem of the origin of the Tungusic peoples of the Far East]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russ.)
48. Shavkunov Je.V. *Nahodka drevnego kalendarja narodov Sovetskogo Primor'ja* [The finding of the ancient calendar of the peoples of the Soviet Primorye]. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka* [Materials on the history of the Far East]. Vladivostok, 1973, pp. 132—135. (In Russ.)
49. Shternberg L.Ja. *Giljaki, oroči, gol'dy, negidal'cy, ajny* [Gilyaks, Orochi, Gold, Negidals, Ainu]. Habarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
50. Shternberg L.Ja. *Kul't orla u sibirskih narodov (jetjud po sravnitel'nomu fol'klору)* [A cult of the eagle by the Siberian people (a study of comparative folklore)]. *Kunstkamera (Muzej Antropologii i Jetnografii im. Petra Velikogo RAN). Izbrannye stat'i* [Kunstkamera (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences): Selected articles]. Saint-Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 1995, pp. 357—383. (In Russ.)
51. Ikegami Jiro. *Album of the uiltas (oroks) of Sakhalin. The society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore*. Abashiri. Hokkaido, Japan, 1982, 116 p. (In Eng. & Japan.)
52. Shirokogoroff S.M. *Psychomental complex of the tungus*. Peking Catholic University Press Publ., 1935, 469 p. (In Eng.)
53. Menges K.H. *Drei Schamanengesänge der Ewenki-Tungusen Nord-Sibiriens: aufgezeichnet von K.M. Ryckov in den Jahren 1905—1909* [Three shamanic chants of the Evenki Tungus of Northern Siberia: recorded by K.M. Ryckov in 1905—1909]. Opladen, Westdeutscher Verlag Publ., 1993, 339 p. (In Germ.)